

Замѣтки о журналахъ.

МАЙ 1856.

РУССКАЯ БЕСѢДА И ЕЯ НАПРАВЛЕНІЯ.

— Радужно привѣтствовали мы «Русскую Бесѣду» и радовались основанію этого журнала, будто приобретаемъ въ немъ союзника по убѣжденіямъ, сподвижника въ общемъ дѣлѣ. А между тѣмъ, извѣстно было, что убѣжденія, раздѣляемые «Современникомъ» со всѣми другими журналами, пользующимися большимъ или меньшимъ сочувствіемъ въ огромномъ большинствѣ просвѣщенныхъ людей нашей земли, отвергаются «Русскою Бесѣдою», какъ ошибочныя; извѣстно было, что «Русская Бесѣда» и основывается именно съ тою цѣлю, чтобы противодѣйствовать вліянію нашихъ мнѣній, если возможно—уничтожить его. Какъ же радоваться появленію противника? Или мы надѣялись, что «Русская Бесѣда» будетъ не такова, какъ того всѣ ожидали, судя по программѣ, что она смягчитъ предполагаемую рѣзкость своего протеста, будетъ удалаться борьбы? Нѣтъ, этого нельзя было надѣяться. Программа и имена многихъ сотрудниковъ слишкомъ ясно убѣждали, что «Русская Бесѣда» начнетъ открытую и сильную борьбу. Ея воинственность обнаружилась еще до появленія первой книги журнала, споромъ его редакціи съ «Московскими Вѣдомостями» о народномъ возрѣніи въ наукѣ. «Русскій Вѣстникъ», которому ближе петербургскихъ журналовъ могли быть извѣстны намѣренія новаго журнала, также объявлялъ, что предвидитъ неизбѣжность жаркихъ преній съ «Русскою Бесѣдою». Первая книга ея не замедлила оправдать эти предвѣстія. Всѣ статьи, сколько нибудь выражающія духъ журнала, таковы, что ни одна изъ нихъ не могла бы быть напечатана ни въ «Русскомъ Вѣстникѣ», ни въ «Отечественныхъ Запискахъ», ни въ «Современникѣ». «Русскій Вѣстникъ», по своему мѣстному положенію, чувствующій на себѣ ближайшую обязанность обращать особенное вниманіе на «Русскую Бесѣду», уже началъ съ нею серьезное преніе: первый же номеръ его, вышедшій послѣ появленія «Русской Бесѣды», содержитъ уже сильное возраженіе на важнѣйшую статью «Русской Бесѣды», и мы должны сказать, что въ этомъ случаѣ мнѣнія, выраженные «Русскимъ

Полюблѣннаго и основательнѣйшаго знакомства съ европейскою наукою ¹⁾; усиленной разработки всѣхъ отраслей науки, касающихся русскаго міра, преимущественно русскаго быта и исторіи. Прекрасно. Мы всѣ хотимъ того же самаго, и «Русская Бесѣда», конечно, не оскорбитъ никого изъ грамотныхъ людей русскихъ подозрѣніемъ, что онъ не раздѣляетъ этихъ желаній. Въ чемъ же несогласіе между нами и славянофилами? Въ вопросахъ, которые могутъ быть очевь важны для Германіи или для Франціи, но которымъ у насъ не пришло еще время—служить достаточнымъ основаніемъ для разсѣдиненія здравомыслящихъ людей. Это вопросы теоретическіе, пока еще вовсе не имѣющіе у насъ приложеній къ жизни,—вопросы, ведя споръ о которыхъ (на сколько возможенъ у насъ споръ о нихъ), можно и должно у насъ не разрывать рукъ, соединяемыхъ въ дружеское пожатіе согласіемъ относительно вопросовъ, существенно важныхъ въ настоящее время для нашей родины.

Такъ мы думаемъ и такъ всегда будемъ думать, пока «Русская Бесѣда» не измѣнитъ дѣлу просвѣщенія и житейской правды, за которое теперь, несмотря на всѣ неумѣренныя (и, по нашему мнѣнію, рѣшительно преждевременныя) инвективы противъ людей, думающихъ объ отвлеченныхъ вопросахъ иначе, нежели она,—стоитъ она почти во всемъ существенно важномъ.

Будетъ ли она продолжать стоять за просвѣщеніе? Надѣмся, основываясь на томъ, что издатель журнала—г. Кошелевъ, къ числу главныхъ сотрудниковъ принадлежатъ гг. Аксаковы, Самаринъ, Хомяковъ, кн. Черкасскій. Но постоянно ли будетъ оправдываться наша надежда, зависить оттого, ихъ ли мнѣніи будутъ преобладать въ журналѣ. Это необходимо для того, чтобы журналъ пріобрѣлъ симпатію въ публикѣ и литературѣ, и, искренно желая того, откровенно выскажемъ, что «Русской Бесѣдѣ» предстоитъ внутренняя борьба для сохраненія въ литературѣ мѣста, которое назначается ей ожиданіями публики. Въ первой книгѣ, вмѣстѣ съ статьями, заслуживающими одобренія и отъ тѣхъ, которые протвѣрчаютъ имъ, нашла себѣ мѣсто статья, которая кажется приличною не «Русской Бесѣдѣ», а развѣ покойному «Маяку». Этого мы не хотѣли ожидать, и хотѣли бы думать, что это случайная ошибка. Если бы г. Н. только хвалилъ какъ ему угодно комедіи г. Островскаго, тутъ не было бы бѣды; но зачѣмъ примѣшивать странные толки о постороннихъ дѣлахъ предметахъ, которыхъ онъ совершенно не хочетъ понимать? Его разсужденія слишкомъ противорѣчатъ общему духу самой «Русской Бесѣды». Правда, «Русская Бесѣда», въ предисловіи, которое сообщено нами читателю въ предъидущей книгѣ журнала, предупреждаетъ, что въ ней мы встрѣтимъ людей, «которые болѣе или менѣе разногласить между собою въ мнѣніяхъ касательно важныхъ и отчасти живаненныхъ вопросовъ», но кружокъ которыхъ все-таки связать «единствомъ коренныхъ, неизмѣнныхъ убѣжденій». Намъ кажется, что

¹⁾ Обращаемъ вниманіе читателей на то, что въ отахъ лучшихъ участниковъ «Русской Бесѣды» это требованіе выражено съ отсутствіемъ всякой двусмысленности. Этого для насъ довольно. Нужна намъ европейская наука? вотъ въ чемъ вопросъ, а не въ томъ, имѣли ли она въ своемъ нынѣшнемъ видѣ отъ всякихъ недостатковъ и во всемъ ли уже достигла совершенства,—этого никто не думаетъ и въ западной Европѣ, никто изъ умныхъ людей не думаетъ и у насъ.

единство между г. N и, напимѣрь, г. Самаринимъ или гг. Аксаковыми едва ли можетъ существовать въ чемъ нибудь существенно важномъ.

Союзъ ихъ съ нимъ ненатураленъ. Дѣло другое, еслибъ онъ захотѣлъ сдѣлаться ихъ ученикомъ,—это было бы и естественно и хорошо; тогда только мы успокоились бы за «Русскую Бесѣду». Полагая, что это такъ и случится, не будемъ говорить о статьѣ г. N, называющей грѣхомъ все, что происходитъ въ мірѣ не по правилу, предлагаемому стихомъ изъ одной русской пѣсни:

Потеря, сострица, потеря родная!

Мы думаемъ, что о дѣлахъ вѣчныхъ, каковы наука и литература, разсуждать съ г. N совершенно бесполезно; считаемъ обязанностью замѣтить только, что и онъ не долженъ бы говорить о нихъ: вѣдь это суетныя и тлѣныя земныя занятія, несовѣстныя съ его точкою зрѣнія. Надѣясь, что онъ пойметъ всю справедливость этой истины и не будетъ говорить ничего, или заговорить другимъ, болѣе приличнымъ русской литературѣ тономъ, въ алѣдующихъ книгахъ журнала, мы не будемъ принимать его статью въ соображеніе при нашемъ мнѣніи о «Русской Бесѣдѣ»; но крайность, въ которую неосторожно вошелъ онъ «Русскую Бесѣду», служить доказательствомъ, что новый журналъ долженъ точнѣе и строже опредѣлить границы своего направленія.

Съ цѣлью содѣйствовать ему въ этомъ, мы обратимъ вниманіе его читателей на тѣ обстоятельства и вопросы, отъ точнаго взгляда на которые много зависитъ успѣхъ общаго намъ съ ними дѣла—содѣйствію развитію роднаго просвѣщенія, и плодотворность самыхъ споровъ «Русской Бесѣды» съ ея противниками, если должны быть постоянные споры.

Съ того времени, какъ славянофилы, нѣкогда смѣшиваемые и, можетъ быть, смѣшивавшіе сами себя съ различными сотрудниками «Москвитянина» и тому подобныхъ журналовъ, выступили сомкнутою партією въ «Московскихъ Сборникахъ» 1846 и 1847 годовъ, прошло около десяти лѣтъ. Многими важными событіями и перемѣнами ознаменованы эти годы и вообще въ европейской, а тѣмъ болѣе въ русской жизни. Бсякій, каковы бы ни были его убѣжденія, получилъ много уроковъ, увидѣлъ исполненіе многихъ своихъ надеждъ, испыталъ много разочарованій. Многое, что было—съ какой бы то ни было точки зрѣнія—своевременно и умѣстно въ 1846 году, съ той же самой точки зрѣнія должно представляться несвоевременнымъ въ 1856 году. Кто хочетъ, чтобы его требованія имѣли основаніе въ дѣйствительности, кто не хочетъ сражаться съ химерами, скорбѣть о недостаткахъ, уже давно исправленныхъ, долженъ принять во вниманіе положеніе вещей въ настоящемъ, а не то, какъ ему представлялось положеніе вещей въ 1846 или 1847 гг. Намъ кажется, напимѣрь, что въ настоящее время твердить о необходимости народности въ изящной литературѣ—дѣло совершенно излишнее: русская изящная литература стала народна на столько, на сколько позволяютъ ей обстоятельства, и если въ ней есть недостатки, то уже, конечно, не отъ подражанія западу, а отъ вліянія совершенно другихъ обстоятельствъ, чуждыхъ намѣренію и желанію писателей. Въ этомъ случаѣ славянофилы, кажется, со-

гласны съ нами. По крайней мѣрѣ, такъ думаетъ г. Самаринъ,—надѣмся, и другіе участники «Русской Бесѣды» раздѣляютъ его довольство нашею изящною литературою въ этомъ отношеніи. «Но въ нашей наукѣ недостаетъ народности, нѣтъ русскаго воззрѣнія въ нашей наукѣ»,—говоритъ г. Самаринъ, котораго въ этомъ случаѣ надобно считать представителемъ мнѣнія «Русской Бесѣды» вообще. Надобно,—говоритъ онъ,—чтобы русская наука приняла въ себя столько же народности, какъ въ изящной литературѣ. Итакъ, мѣрою народности въ наукѣ хотятъ принимать 'степень вліянія народности на нашу изящную литературу,—кажется, такъ; мы не имѣемъ нужды измѣнять въ какомъ бы то ни было смыслѣ мнѣнія славянофиловъ, потому приводимъ въ выноска слова г. Самарина ¹⁾).

Если все дѣло состоитъ въ этомъ, то, признаемся, мы не видимъ достаточныхъ причинъ съ такимъ жаромъ требовать, будто чего нибудь новаго, признанія правъ народности на участіе въ наукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ ограничивается полнѣйшее вліяніе народности на изящную литературу? 1) Степень вниманія, обращаемого литературою на тѣ или другіе предметы, соразмѣряется со степенью важности, какую имѣютъ эти предметы въ народной жизни; потому литература занимается преимущественно изученіемъ своего роднаго быта; 2) форма художественнаго произведенія должна быть совершенно народна. Все это давнымъ-давно существуетъ и въ русской наукѣ, на сколько существуетъ русская наука. Огромное большинство нашихъ ученыхъ всѣ силы свои посвящаетъ разработкѣ отечественной исторіи, этнографіи, фауны, флоры и т. д. Тѣми отраслями науки, которыя имѣютъ предметомъ нѣчто общее для насъ и для иноземцевъ, занимается только меньшинство, котораго, конечно, не

⁴⁾ Мы должны отдать г. Самарину справедливость, что мнѣніе своихъ противниковъ налагаетъ онъ вѣрно; онъ заставляетъ ихъ говорить такъ: «Мысль, по оуществу своему, безстрастна и безцѣльна, и потому ученый, не умѣвший или не хотѣвшій очистить себя отъ предубѣжденій, понятій и сочувствій, приналежащихъ невольно къ каждому человеку отъ той среды, изъ которой онъ принадлежитъ, не можетъ быть достойнымъ служителемъ науки. Кто вноситъ случайное и частное въ область мировыхъ идей, тотъ выноситъ изъ нея, вмѣсто общечеловѣческихъ истинъ или вѣрнаго отраженія предметовъ въ сознаніи, представленія не полныя, образы изуродованные и прихотливо расцѣпченные». И вслѣдъ за этими словами, начинается онъ наложеніе своихъ мнѣній такимъ образомъ:

«Совершенно то же говорилось и печаталось у насъ еще недавно о художествѣ. Помня есть воспроизведеніе идеи или сущности явленія въ живомъ образѣ. Идея—достоиніе всего чело-вѣчества, а форма, хотя ваятая изъ области случайнаго, очищается отъ всего случайнаго и просвѣщается наскомъ идеею; слѣдовательно, въ художественномъ творчествѣ участіе народности незаконно. Это послѣднее притѣненіе общаго понятія объ отношеніи чело-вѣческаго къ народному теперь устарѣло и откинуто вмѣстѣ съ безчисленными множествомъ всякихъ предубѣжденій... Было бы позволительно предоставить времени произвести *такую же реакцію* и противъ теперешняго гоненія на народность въ дѣлѣ науки; но мы мало цѣнимъ упомѣтъ отъ прессыденія, а потому, не избѣгая и не откладывая опора, приступаемъ прямо къ *умененію* возбужденнаго нами вопроса. *Недоразумѣнія лежатъ на немъ*, какъ отвердѣвшіе олоя наносныхъ понятій».

Итакъ, дѣло кажется не подлежащимъ сомнѣнію: г. Самаринъ, говоря отъ имени всей школы, требуетъ для народности въ наукѣ тѣхъ же правъ, которыя уже даны ей въ искусствѣ. Обращаетъ также вниманіе читателя на слово «недоразумѣнія»: намъ кажется, что если «Русская Бесѣда» дѣйствительно останется вѣрна научной точкѣ зрѣнія г. Самарина, а не образу мыслей г. N, то дѣйствительно основаніемъ спора окажутся взаимныя недоразумѣнія, а не существенное разногласіе, а споръ о различіи началъ прекратится, какъ скоро нѣмныя противники объяснятся другъ съ другомъ. Объясненія съ г. N, конечно, не приведутъ къ согласію: тутъ различіе, дѣйствительно, лежатъ въ сущности понятій. Или намъ и г. Самарину должно забыть то, что мы знаемъ, или г. N узнать многое, на что не обращалъ онъ вниманія. По-слѣднее я легче я лучше.

захочетъ уменьшить «Русская Бесѣда», потому что и безъ того знакомство наше съ европейскимъ просвѣщеніемъ еще слабо и поверхностно, по справедливому сознанію «Русской Бесѣды». Стало быть, надобно желать не того, чтобы пропорція ученыхъ, занимающихся изученіемъ Россіи, увеличилась насчетъ ученыхъ, знакомящихъ Россію съ Западною Европою, а только того, чтобы число тѣхъ и другихъ увеличивалось, чего и желаетъ каждый изъ насъ. Что же касается народности въ формѣ науки, то, какъ извѣстно, форма въ дѣлѣ науки далеко не имѣетъ того существеннаго значенія, какъ въ искусствѣ: наука требуетъ отъ формы только двухъ качествъ, чисто внѣшнихъ: во-первыхъ, чтобы изложеніе удовлетворяло читателя такъ называемыми качествами слога, во-вторыхъ, чтобы оно было сообразно степени образованія и познаніямъ той публики, для которой предназначается.

Относительно слога или наперы изложенія—ужели надобно говорить о такихъ вещахъ? Впрочемъ, такъ какъ мы хотимъ собственно уяснить вопросъ, то не будемъ оставлять безъ вниманія и мелочей, которыя иногда подають поводъ къ серьезнымъ, повидимому, недоразумѣніямъ—относительно слога надобно согласиться, что въ немъ сильно отражается народность: извѣстно различіе между нѣмецкимъ и французскимъ изложеніемъ ученыхъ вопросовъ,—намъ кажется, что и русскіе ученые имѣютъ общую манеру въ этомъ случаѣ: она занимаетъ средину между французскою и нѣмецкою. Но если кому нибудь кажется, что слогъ въ нашихъ ученыхъ сочиненіяхъ еще не такъ рѣзко самостоятеленъ, какъ формы нашей поэзіи, каждый уступчивый охотно оставить это мнѣніе безъ противорѣчія: стоитъ ли спорить о риторикѣ? То же надобно сказать и о приспособленія изложенія науки къ понятіямъ и степени образованности читателей: это каждый старается дѣлать, и спорить противъ того, что русская книга должна быть приспособлена къ потребностямъ русскихъ читателей, никто не будетъ. Чего же больше требовать отъ науки въ пользу народности? «А народное воззрѣніе?»—Но въ чемъ же оно состоитъ, кромѣ качествъ, нами указанныхъ? Гизо и Мишле—оба французы: что у нихъ общаго, кромѣ общихъ качествъ французскаго слога? Въ воззрѣніи Мишле гораздо больше сходства съ воззрѣніемъ, какое имѣетъ Маколей, нежели съ Гизо. Надобно вникнуть въ это, и мы убѣдимся, что главнымъ основаніемъ различія въ ученomъ воззрѣніи бываетъ степень общаго образованія, на которой стоятъ авторъ, а не народность его, партія (ученая или политическая), къ которой онъ принадлежитъ, а не языкъ, которымъ онъ говоритъ. Вліяніе французской народности на французскую науку, нѣмецкой на нѣмецкую оказывается очень незначительно, если народность не смѣшивать съ учеными и другими убѣжденіями и съ степенью общаго образованія, и не ограничивать вліянія народности тѣми качествами изложенія, которыя указали мы выше. Убѣжденія существенно одинаковы во всѣхъ странахъ при одинаковой степени образованности и при одинаковомъ благородствѣ характера. Мы очень хорошо знаемъ, что разумѣютъ подъ «русскимъ воззрѣніемъ» люди мало образованные: они выражаются такъ потому, что не знаютъ о существованіи и во Франціи, и въ Англіи, и въ Германіи совершенно подобныхъ воззрѣній между людьми мало образованными, которыхъ и вездѣ очень много. Но мы рѣшительно не знаемъ, чѣмъ можетъ отличаться воззрѣніе г. К. Аксакова или

г. Самарина отъ воззрѣнія, какое имѣеть каждый ставшій въ уровень съ вѣкомъ челоѣкъ, какой бы націи онъ ни принадлежалъ. Есть, правда, одно, чѣмъ они отличаются не отъ иноплеменниковъ, а отъ многихъ изъ насъ: именно, они заботятся о введеніи въ науку русскаго народнаго воззрѣнія между тѣмъ, какъ другіе думаютъ только о томъ, чтобы развивать свое воззрѣніе сообразно настоящему положенію науки. Но что же дѣлать! у cadaго изъ насъ есть свои любимыя заботы, желанія, если угодно, мечты, къ которымъ всѣ другіе люди, кромѣ немногихъ друзей, остаются довольно холодны. Въ этомъ отношеніи нужно соблюдать взаимную терпимость: любимая тема есть у cadaго ученаго своя. Иногда надъ этою челоѣческой слабостью можно посмѣяться, не переставая сочувствовать другъ другу; но что касается лично насъ, мы находимъ, что любимая тема писателей, нами названыхъ, нимало не забавна, потому что расположеніе къ ней вызывается фактомъ серьезнымъ и грустнымъ: наука наша находится дѣйствительно въ состояніи, котораго вовсе еще нельзя назвать блистательнымъ. Правда, внаію прошедшаго и настоящаго Россіи иностранцы учатся у насъ; но всему остальному должны еще мы учиться у нихъ, а сами мы не внесли еще въ науку ничего новаго. Всѣ согласны въ объясненія этого факта: просвѣщеніе у насъ еще слишкомъ мало распространено въ обществѣ; истинно ученыхъ людей у насъ еще мало; всѣ наши умственные силы еще поглощаются гигантскою задачею распространенія просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ: удивительно ли послѣ того, что намъ еще недосугъ заниматься капитальными трудами для веденія впередъ общечелоѣческой науки? Подождемъ времени, когда у насъ будетъ оставаться досугъ для разработки философій, всеобщей исторіи и другихъ наукъ, воздѣлываше которыхъ не лежитъ исключительно на насъ: тогда, исполнивъ свою прежнюю задачу: «просвѣтитесь», мы будемъ работать и на пользу общечелоѣческой науки не хуже нѣмцевъ и французовъ, а, можетъ быть, и лучше, если вѣрить шопоту высокой народной гордости, живущей въ каждомъ изъ насъ. Къ этому фактическому объясненію, принимаемому всѣми серьезными людьми, нѣкоторымъ угодно прибавлять догадку, что мы можемъ ускорить приближеніе срока для своего дѣятельнаго участія въ развитіи общечелоѣческой науки, если будемъ заботиться о внесеніи въ нашу науку «народнаго воззрѣнія». Положимъ, что эта догадка ошибочна,—въ ней нѣтъ еще важнаго проступка: никому не запрещается строить гипотезы, разумѣется, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы не враждовать въ людямъ, не принимаящимъ гипотезу, пока она не оправдана фактами. Положимъ, что она справедлива,—никто не можетъ претендовать на людей, не принимающихъ ее, пока она не подтверждена фактами; сущность гипотезы въ томъ и состоитъ, что принятіе или отверженіе ея—дѣло личной воли, а не обязанности. Убѣдить въ справедливости гипотезы нельзя никакою полемикою или діалектикою; надобно подтвердить ее фактами. Итакъ, по нашему мнѣнію, гг. Самаринъ, К. Аксаковъ и другіе избрали бы самый вѣрный и краткій путь, если бы озаботились проведемъ «народнаго воззрѣнія» въ капитальныхъ ученыхъ трудахъ: 1) показать фактически, въ чемъ можетъ состоять требуемое ими «народное воззрѣніе» въ наукѣ, кромѣ указанныхъ нами выше качествъ изложенія? 2) доказать самымъ дѣломъ, что при помощи заботы о «народности воззрѣнія» русскому ученому легче двн-

путь впередъ общечеловѣческую науку, нежели при помощи обыкновеннаго метода и обычныхъ ученыхъ средствъ. Пока это не будетъ показано и доказано фактами, всякія похвалы народному воззрѣнію кажутся намъ лишенными дѣйствительнаго едержанія и основанія. Но, съ другой стороны, пока люди, принимающіе гипотезу, которой мы не принимаемъ, будутъ обо всемъ, что принадлежитъ міру дѣйствительности и сферѣ положительной науки, сохранять убѣжденія, приличныя образованному человѣку нашего времени, мы не перестанемъ сочувствовать этимъ людямъ во всемъ, кромѣ ихъ мечты, которая, принадлежа къ міру исцтаній, не имѣетъ въ нашихъ глазахъ особенной важности и не можетъ для насъ служить поводомъ къ серьезному разногласію. Одинъ астрономъ утверждаетъ, что на лунѣ есть жители, другой не принимаетъ этой гипотезы. Они могутъ вести объ этомъ рѣчь «умную, но праздную», по выраженію г. И. Аксакова, и, однако же, это не имѣаетъ послѣднему отдавать справедливую похвалу положительнымъ услугамъ, какія первый можетъ оказывать наукѣ, одинаково интересующей обоихъ.

Итакъ, какихъ же положительныхъ услугъ общему нашему дѣлу ждемъ мы отъ «Русской Бесѣды», если она останется вѣрна направленію, за которое ручается имя издателя и лучшихъ сотрудниковъ и нѣкоторыя статьи первой книги ихъ журнала? Во всемъ, что касается положительныхъ, а не отвлеченныхъ вопросовъ, она, кажется намъ, будетъ говорить вѣрно и здраво, какъ говорятъ всѣ истинно просвѣщенные люди въ наше время; участники этого журнала располагаютъ значительнымъ запасомъ знаній и ровности къ дѣлу просвѣщенія¹⁾; они люди серьезные, люди съ горячими и твердыми убѣжденіями: какъ же не радоваться, что они нашли органъ для своей литературной дѣятельности? Во всемъ, что имѣетъ дѣйствительное значеніе для науки и жизни, они будутъ дѣйствовать въ пользу просвѣщенія: чего же требовать больше? Споры о гипотезахъ не принесутъ вреда ничему существенно важному, если обѣ спорящія стороны будутъ помнить, что гипотезы должны имѣть только второстепенную важность сравнительно съ чистыми выводами изъ фактовъ дѣйствительности; а въ этихъ выводахъ болѣе или менѣе согласны всѣ образованные люди. Гипотезы, даже ошибочныя, имѣютъ и хорошую сторону (подъ условіемъ, конечно, не увлекаться ими до презрѣнія къ фактамъ): онѣ возбуждаютъ дѣятельность мысли. Особенно важна эта выгода въ тѣхъ случаяхъ, когда мысль, слишкомъ привыкшая къ рутинѣ и апатіи, нуждается въ возбуждательныхъ средствахъ, чтобы проснуться изъ полудремоты. Таково именно кажется намъ положеніе нашей литературы, и мы ожидаемъ отъ гипотезы, выставленной славянофилами, оживленія для нашей умственной дѣятельности: многіе, прежде не думавшіе, начнутъ думать,—а это въ настоящее время важнѣе всего. Споры, лишь бы только велись о предметахъ, «вызывающихъ на размышленіе», а не о какихъ нибудь мелкихъ дрягахъ, и лишь бы велись благородно, оживляютъ литературу.

¹⁾ Просимъ не забывать, что мы имѣемъ въ виду не всѣхъ участниковъ «Русской Бесѣды», а такихъ людей, которые похожи на гг. Аксаковыхъ, Бѣшенева, Самарина, Хомякова. Каждый журналъ и каждая школа имѣютъ слабыя стороны и сотрудниковъ, которые не содѣйствуютъ увеличенію славы журнала. Но каждый журналъ стремится побѣдить въ себѣ эти недостатки. Безъ сомнѣнія, необходимость этого увидитъ и «Русская Бесѣда».

Желаемъ «Русской Бесѣдѣ» благоденствія и процвѣтанія!

«А опасность, угрожающая отъ нея вапшигъ убѣжденіямъ?» — Опасность вовсе не такъ велика, какъ могутъ думать иные, предубѣжденные противъ «Русской Бесѣды»: отъ нетинныхъ славянофиловъ нельзя ожидать, чтобы они хотѣли

Ко даимъ Кошвхана Россію возвратить,

чтобъ они стали проповѣдовать отчужденіе отъ общечеловѣческой образованности. Мы вѣряемъ, когда г. Самаринъ говоритъ отъ лица ихъ:

«Потребность народнаго воззрѣнія многіе принимаютъ за желаніе, во что бы то ни стало, отличиться отъ другихъ, какъ будто бы въ втонѣ отличіи заключалась цѣль направленія. Имъ важется, что ученый, сядя за свой рабочій столъ, задаетъ себѣ задачу выдумать, изобрѣсти русское народное воззрѣніе, наиримѣръ, хоть на феодализмъ. Нельзя же ему повторять, что сказали Газа или Гриммы: то были нѣмцы! И еозданный воображеніемъ труженникъ, несчастная жертва воображаемыхъ дурныхъ совѣтовъ, грызеть перо, ютираетъ себѣ лобъ в губы время въ безплодной погонѣ за оригинальностью. Но вольно же въ такой формѣ представлять себѣ участие народности въ развитіи науки! Неразумное, безотчетное в *преднамыренное отрицаніе чужаго потому только, что оно чужое, при недостаткѣ своего, при внутренней пустотѣ, не поведетъ къ расширенію области знанія. Этого никогда никто и не утверждалъ...* Здравое понятіе о народности ограничивается, съ одной стороны, боязнью исключительности, съ другой — боязнью *глаголаго подражанія*. Эта послѣдняя боязнь, безопорно имѣвшая основаніе въ порвочаальныхъ пріематъ науки, пересаженной въ Россію изъ западной Европы, теперь *начинаетъ исчезать*».

«Имѣвшая», а не «имѣющая»: итакъ, по словамъ г. Самарина, славянофилы находятъ, что возетавать противъ слѣднаго подражанія иноземцамъ въ наукѣ уже прошло у насъ время, и уже не боятся за нашу народную самостоятельность; итакъ, по ихъ мнѣнію, мы уже имѣемъ въ наукѣ столько самостоятельности, сколько позволяетъ намъ степень нашихъ познаній. Если такъ думаютъ славянофилы, они думаютъ справедливо. Подобно г. Самарину, г. К. Аксаковъ говоритъ, что «странно было бы нападать изъ любви къ народности на общечеловѣческое: это значило бы отказывать своему народу въ имени человѣческомъ. И, конечно, такихъ нападеній нельзя ожидать отъ «Русской Бесѣды». Прекрасно! мы вполнѣ вѣримъ такому образу мыслей въ гг. К. Аксаковѣ и Самаринѣ, и желаемъ только, чтобы «Русская Бесѣда» никогда не покидала этой точки зрѣнія.

Трудно послѣ этихъ объясненій понять, въ чемъ должно состоять требуемое г. Самариннымъ и г. К. Аксаковымъ «народное воззрѣніе въ наукѣ»: ни тотъ, ни другой не обратили вниманія на то, что сущность требованія выражается въ его осуществленія, и не позаботились уяснить для насъ теорію свою практическими приложеніями ея къ какимъ нибудь опредѣленнымъ вопросамъ. А теорія безъ практики почти неуловима для мысли, и общія понятія, ими высказываемыя, неопредѣленны въ своей отвлеченности. Намъ кажется, что сущность ихъ требованія состоятъ въ томъ, чтобы мы поняли необходимость критики въ наукѣ и не увлекались предразсудками и пристрастіями, по крайней мѣрѣ, чуждыми нашимъ нравамъ, если нельзя всегда пре-

достеречься отъ предразсудковъ, всосанныхъ съ молокомъ матери, хотя въ эти предразсудки не лучше другихъ и также должны быть отстраняемы каждымъ изъ насъ въ дѣлѣ науки. Въ предисловіи къ «Русской Бесѣдѣ» также встрѣчается слово «критика». О, если дѣло идетъ только о томъ, что надобно все принимать съ строгою критикою и безпощадно отбрасывать предубѣжденія, то это дѣло прекрасное; мы прибавили бы только, что каждое дѣло надобно называть его настоящимъ именемъ, и, напримѣръ, чувствуя потребность «критики въ наукѣ», прямо и говорить, что требуется «критика въ наукѣ», а не «народное воззрѣніе» или восточное начало. Само собою разумѣется, впрочемъ, что критика хороша только при соблюденіи нѣкоторыхъ научныхъ условій; изъ нихъ важнѣйшія: 1, основывать свои сужденія о томъ, что справедливо и что несправедливо, на идеяхъ, выработанныхъ современною наукою, а не на какихъ либо субъективныхъ симпатіяхъ, не на мертвой буквѣ какомъ либо книги и не на предразсудкахъ, которые сами не выдерживаютъ критики. 2, ни подъ какимъ видомъ, ни для какихъ цѣлей не игнорировать и не искажать фактовъ. Если «Русская Бесѣда», вѣрная словамъ гг. Самарина и К. Аксакова, въ своей «критикѣ науки» будетъ соблюдать эти постулаты, эти категорическіе императивы науки, она скажетъ намъ очень много хорошаго, хотя скажетъ мало такого, что бы не было уже (и очень недурно) высказано въ западной Европѣ, потому что Европа очень любитъ критику въ наукѣ и занимается ею очень небезуспѣшно.

Не знаемъ, во всемъ ли согласятся съ нами гг. К. Аксаковъ и Самаринъ,—вѣроятно, не во всемъ, потому что трудно найти двухъ людей, которые думали бы совершенно одинаково, хотя бы они принадлежали и къ одной школѣ, а не къ различнымъ; но надѣмся, что точекъ сходства въ нашемъ и ихъ образѣ мыслей найдется довольно много, быть можетъ, болѣе, нежели серьезныхъ поводовъ къ разногласію. Нѣкоторые другіе участники «Русской Бесѣды», вѣроятно, найдутъ неудовлетворительными многія изъ объясненій, удовлетворительныхъ для ученыхъ, нами названныхъ. Наконецъ, съ г. N мы можемъ соглашаться только въ двухъ пунктахъ: въ томъ, что терпѣніе—прекрасное качество, и въ томъ, что смиреніе—высокая добродѣтель; но такъ какъ эти вопросы принадлежатъ не литературѣ, а законамъ благоустройства и благочинія, то можно, пожалуй, сказать, что мы съ нимъ не сходимся ровно ни въ чемъ, когда рѣчь идетъ о литературѣ. Это различіе между разными соучастниками «Русской Бесѣды» дѣлать необходимо: иначе, если мысли г. К. Аксакова смѣшивать съ мыслями г. N, или наоборотъ, дѣло совершенно запутается.

Но мы все говоримъ о направленіи «Русской Бесѣды», а ничего еще не сказали о содержаніи первой ея книги,—это потому, что интересъ публики возбуждается собственно направленіемъ «Русской Бесѣды», а не частными достоинствами или недостатками статей, вошедшихъ въ составъ ея первой книги. О нихъ достаточно будетъ сказать нѣсколько словъ. Съ лучшими изъ стихотвореній мы уже познакомили читателя въ предыдущемъ номерѣ нашего журнала; кромѣ ихъ, въ отдѣлѣ Изыщной Словесности помѣщено одно стихотвореніе Жуковскаго, и двѣ его статьи въ прозѣ: «О меланхоліи» и «О привидѣніяхъ». Духъ, которымъ онѣ проникнуты, тотъ же, какъ и въ осталь-

ныхъ сочиненіяхъ Жуковскаго о психологическихъ предметахъ. Кромѣ того, г. П. Кирѣевскій помѣстилъ нѣсколько русскихъ пѣсенъ изъ своего сборника. Въ отдѣлѣ Критики замѣтимъ статью г. Г—ва «О семейной хроникѣ», г. С. Аксакова: въ ней разсѣяно много умныхъ мыслей; двѣ небольшія статьи г. Кошелева, отличаются большимъ знаніемъ дѣла. О статьѣ г. Самарина: «Два слова о народности въ наукѣ», и небольшой статейкѣ г. К. Аксакова: «О русскомъ воззрѣніи», мы говорили подробно. Онѣ служатъ какъ бы программой «Русской Бесѣды»,—и если она останется вѣрна этой программѣ, то, безъ сомнѣнія, приобрететъ общее уваженіе, чего мы отъ души желаемъ.